

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРИЗМ В ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

.....

Н. В. Плотикина*

В политической науке нет общепринятых теоретических определений центризма. Острота дискуссии по вопросу о том, что есть центризм, объясняется существенной ролью центристских партий в современном политическом процессе. Цель данной статьи – описать социокультурный контекст и динамику представлений о центризме, начиная восточной и античной традициями и заканчивая современным пониманием роли центра в политическом пространстве общества.

Термин «центризм» появился в политическом лексиконе в конце XVIII столетия в связи с описанием расстановки политических сил в Национальном собрании Франции периода 1789–1799 гг. [31, с. 7] Термин отразил пространственное расположение депутатов, занимавших места в середине зала заседаний, напротив председателя между консерваторами, которых называли «правыми», и депутатами «левой» политической ориентации, выступавшими за республику и народный суверенитет. По мере институционализации либеральной и консервативной партий складывались обобщенные представления о «левом», «правом» центре. Кроме того, понятие «центр» ассоциировалось с промежуточной между «правой» и «левой» политической линией. Именно в этой трактовке центризм стал базовым понятием для описания расстановки политических сил.

Рождению в Новое время политического центризма предшествовала политико-философская предыстория. Если рассматривать политический центризм как определенный способ достижения стабильности и мира, политического равновесия и согласия в обществе, то этим проблемам уделяли пристальное внимание уже мыслители Древней Греции. Идею согласительной политики

* Плотикина Наталья Викторовна, кандидат политических наук, преподаватель кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: oochronos@mail.ru.

Платон и Аристотель связывают с понятием золотой середины, символизирующей воздержание от безусловной приверженности к какой-либо точке зрения, или среднюю позицию между любыми «да» и «нет».

По Платону (427–347 гг. до н.э.), сущность политической умеренности состоит в самоограничении, в признании права государственного органа на законопослушание и повиновение управляемых. Умеренность как удовлетворенность своим положением является общей добродетелью для всех трех сословий и единственной для сословия работников [24, с. 180, 490, 498].

Представления о роли середины в формировании личности человека сформулированы и в этическом учении Аристотеля (384–322 гг. до н.э.). «Истинно среднее» Аристотеля – прежде всего различение, выбор на основе собственного нравственного чувства между избытком и недостатком в страстях и поступках. «Но все это, когда следует, и в должных обстоятельствах, относительно должного предмета, ради должной цели и должным способом, есть середина и самое лучшее, что как раз свойственно добродетели» [2, с. 86]. Подобная середина всегда субъективирована, центрирована на человека. Это отнюдь не внешняя, объектно-геометрическая середина, а субъектно-значимое сосредоточение. Именно поэтому «трудное дело быть добропорядочным, ведь найти середину в каждом отдельном случае – дело трудное, как и середину круга не всякий определит, а тот, кто знает. Недаром совершенство и редко, и прекрасно» [2, с. 92]. Середина образует между крайностями не то, что представляет большинство, а скорее то, что является исключением. Середина – это не посредственность, заурядность, а в силу своей редкости даже крайность. Так получается, потому что некоторые крайности отчасти подобны середине, как, например, смелость – мужеству, или мотовство – щедрости. Поскольку люди имеют склонность чаще к страху, чем к мужеству; трусость сильнее бросается в глаза, нежели отчаянность.

Однако здесь возникает другая проблема. При рассмотрении ряда «избыток – середина – недостаток» возникают три противоположности и вместе с тем три конфликтных поля: «крайние противоположны и среднему, и друг другу, а средний – крайним» [2, с. 91]. С позиции крайности середина предстает как отвергнутая крайность. «Находящиеся посередине складываются из избытком сравнительно с недостатком и недостатком сравнительно с избытком как в страстях, так и в поступках» [2, с. 91]. Поэтому храбрый человек кажется трусливому смельчаком и, наоборот, смельчаку – трусом. «Потому-то люди крайностей отодвигают того, кто держится середины, к противоположной от себя крайности». Однако это не означает, что в ходе данного «отодвигания» середина склоняется к другой крайности.

Между крайностями также существует конфликт, более острый, нежели их столкновения с серединой. Несмотря на это, у крайностей есть и нечто общее: они находятся в конфликте с серединой и в случае необходимости могут объе-

диниться против нее. Это объясняет также, почему экстремисты относительно быстро переходят в лагерь друг друга. С позиции середины общее в крайностях то, что они – пороки, которые в равной степени действуют опустошительно на всех, кто придерживается крайних противоположных позиций. Например, храбрость, гражданское мужество – это добродетель, а трусость вместе с отчаянностью несут в себе риск для исхода всякого предприятия.

«Среднее» Аристотеля – не эклектическое соединение или смешение противоположностей и не синтез, которого, по словам Гегеля, придерживается дух с крайним напряжением. Неверно полагать, что смелость как середина между избытком и недостатком мужества и храбрости является суммой небольшого количества трусости и небольшого количества отчаянности. Различие между добродетелью и пороком, по словам Канта, не количественное, а качественное, и в этом смысле добродетель есть нечто новое, иное по отношению к порокам, а не их комбинация.

Аристотель распространил подобное понимание середины на целое политических систем и в «Никомаховой этике» рисует два идеальных типа политического устройства: одно, наихудшее, чревато раздорами и гибелью, другое, наилучшее, обеспечивает наивысшее общее благо и мир. Аристотель соотносил этос отдельного человека с полисом граждан: этос был укоренен в полисе. Уклонение от крайностей творит из человека «полисное животное» [20, с. 18]. Отсюда делался вывод о том, что полис, состоящий из средних людей, будет иметь и наилучший политический строй. Как отмечает М.В. Ильин, для Аристотеля «средний – это не просто гражданин или институт, отличный от соответственно великих и малых, а тот политический актер, который в силу своей срединной природы обладает особыми внутренними императивами, позволяющими достигнуть согласия с иными, неравновеликими ему актерами, которых те по своей природе лишены» [14, с. 26].

Во II–I вв. до н.э. идеи «срединности» получили развитие в учении Полибия о смешанной форме правления, римской концепции золотой середины (*aug-
ea mediocritas*). Выдающийся классик римской литературы, философ Квинт Гораций Флакк (65–8 гг. до н.э.) в оде «К Лицинию Мурене» писал: «Выбрав золотой середины меру, мудрый избежит обветшалой крови, избежит дворцов, что рождают в людях черную зависть. <...> Мера должна быть во всем, и всему есть такие пределы, дальше и ближе которых не может быть добра на свете» [11, с. 105, 248]. Гораций принцип золотой середины распространял на поведение во всех областях жизни.

Центральное место во взглядах древнеримского историка Корнелия Тацита (58–112 гг. н.э.) занимала идея «среднего пути», заложенная в принципе со дня его основания. В политическом аспекте «средний путь» означал компромисс между сенатом и императором во имя сохранения империи; в плане личном – умение человека быть полезным государству даже при дурных правите-

лях. В «Жизнеописании Агриколы» Тацит писал: «И да будет ведомо тем, у кого в обычае восторгаться недозволенной дерзостью по отношению к наделенным верховною властью, что и при дурных принципах могут существовать выдающиеся мужи и что послушание и скромность, если они сочетаются с трудолюбием и энергией, достойны не меньшей славы, чем та, которую многие снискали решительностью своего поведения и своею впечатляющей, но бесполезной для государства смертью» [33, с. 350].

В конфуцианской и древнегреческой политических традициях умеренность причислялась к разряду основных добродетелей. Аристотелевское определение середины было проявлением укорененности в древнегреческом сознании требования меры. В этой ориентации на равновесие всех ценностей конституировалась «серединная максима», в которой соединялись разум, добродетель и чувственность воедино, преодолевался «ценностный фанатизм» – предпочтение единственной крайней инстанции. Стала провозглашаться норма благоразумия, соблюдение которой связывалось с соответствием человеку возлагаемых им на себя задач.

Мировоззрение средних веков поместило человека посередине между божественными сущностями и тварными существами, в результате чего срединное стало ассоциироваться с человеческим. Создатели христианской политической теории Августин Аврелий (354–430 гг.) и Фома Аквинский (1225–1274 гг.) развивали идеи Полибия о смешанной форме правления в поисках основ устойчивого политического порядка. Августин Аврелий подчеркивал связь между понятиями «умеренность» и «равновесие»: «Умеренность названа от меры равновесия – веса. Все, что мало, равно и все, что чрезмерно, нуждается в мере. Мера же духа – мудрость. Отсюда знаменитое правило жизни: ничего сверх меры» [1, с. 138–139]. Фома Аквинский видел в этическом учении Аристотеля с его традиционной добродетелью умеренности фундамент для христианской этики, полагая, что «среднее» может быть моральным, когда добродетель является серединой между крайностями порока [30, с. 217]. В. Зомбарт отмечал, что в учении Фомы Аквинского о добродетелях в хозяйственной жизни выделялась «необходимость правильной разумной экономии, „золотой середины“ в образе жизни, одинаково далеко от греховных крайностей: скупости и расточительности» [12, с. 184–185]. Еврейский философ и теолог Маймонид (1135–1204 гг.) возвел в высшее нравственное начало необходимость отличать крайности от среднего пути. Он полагал, что крайности удаляют человека от достижения разумной цели, разрушая его телесное здоровье и душевное спокойствие. Именно средний путь приближает человека к цели [19, с. 241].

Полное соответствие античные представления о «срединности» полисного животного и его воли нашли в срединности человека Ренессанса, который своей волей творил свою судьбу. Итальянский философ Лоренцо Валла (1405–1457 гг.), анализируя учение Аристотеля о добродетелях, противопоставлял две

единичные крайности не единичным серединам (как Аристотель), а множеству середин [6, с. 171]. Ж. Боден (1530–1596 гг.) защищал веротерпимость как средство избежать «народных волнений, смуты, гражданских войн» [5, с. 676–679].

В период Нового времени центризм рассматривался уже не только как принцип, заложенный в основу философских учений: в связи с появлением политических партий он приобрел институциональный облик и переместился в сферу партийно-политической инфраструктуры [10, с. 103]. Рационализм Нового времени, обратив методы математизированного естествознания на социум, инициировал появление социальных наук (экономической теории, социологии, статистики), использующих генерализирующие методы. Это способствовало новому витку гипостазирования понятия «среднее» в концептах среднего человека, среднего класса, среднего уровня и пр.

Английский философ Д. Юм (1711–1776 гг.) назвал «равновесие власти» «секретом в политике», известным только с XVIII в. [37, с. 62]. В качестве главного принципа «свободной системы правления» он отмечал «разделение власти в рамках действующих законов между несколькими членами, объединенная власть которых больше, чем власть монарха», признавая при этом, что «свобода есть усовершенствование гражданского общества» [37, с. 19, 39]. «Все свободные системы правления должны состоять из двух советов, малого и большого, или, другими словами, из сената и народа. Когда народный законопроект обсужден в парламенте и доведен до совершенства, все его достоинства и недостатки взвешены и уравновешены. Хорошие законы могут породить порядок и умеренность в государстве, где манеры и обычаи не воспитали достаточно справедливости в характерах людей» [37, с. 25, 155, 163]. «Свободными системами правления» для Д. Юма являлись представительная демократия, монархия с наследственной властью монарха и аристократия, в которой каждый аристократ разделяет власть, будучи частью целого.

В эпоху Просвещения идеи центризма развиваются в рамках теории общественного договора (Ж.-Ж. Руссо), концепциях разделения властей (Ш.Л. Монтескье), смешанного правления (Ж.-Ж. Руссо), толерантности (Вольтер, Д. Дидро и др.). В «Философских письмах» Вольтер (1694–1778 гг.) называл парламент «посредником нации», король для него был «верховным арбитром». «Этого равновесия не доставало римлянам, вельможи и народ постоянно были там разделены, отсутствовала посредническая власть, которая могла бы установить между ними согласие» [7, с. 92–93]. В письме «Замечания на мысли г-на Паскаля» он подчеркивал, что в обществе получает одобрение „золотая середина“ не как посредственность, а как удаленность от порочных крайностей [7, с. 211]. Для Ш.Л. Монтескье (1689–1755 гг.) принципом (политической добродетелью) демократии как разновидности республиканского правления являлась умеренность в нравах и доходах [23, с. 45]. Ж.-Ж. Руссо (1712–1778 гг.) понимал свободу как автономию народа, как равное участие всех в практике

законодательства. Провозгласив идею суверенитета, который связан с общей волей народа, он заложил основы теории консенсуса. Философ также развивал концепцию смешанного правления [29, с. 264–265].

В эпоху Реставрации проблемы политического равновесия рассматриваются в рамках консервативной парадигмы. Ж. де Местр (1753–1821 гг.) выдвинул идею «эквилибра» – баланса в политической и духовной жизни, который обеспечил бы долговременное сохранение консервативного порядка вещей. Главной силой этого «эквилибра» виделась папская власть. «Особенное свойство монархии Франции заключается в том, что она обладает неким теократическим началом. Политика и религия образуют единый сплав; и эти политические учреждения заключаются главным образом в религиозных занятиях и церемониях... Религия, передав свой скипетр политике, придаст этой последней силы...» [22, с. 85, 104, 137].

Главная идея Луи де Бональда (1754–1840 гг.) – единство и многообразие проявлений власти. Общество, в котором управляет только одна политическая власть, обречено на гибель. Единство власти должно быть дополнено структурностью ее составляющих. Решающей в этой связи становится идея опосредования благодаря наличию промежуточных сил. Именно дворянство как посредник между монархом и подданными ограничивает власть короля, защищая народ от несправедливости, и осуществляет королевскую власть над подданными [16, с. 106].

Новые смыслы и очертания политический центризм получил в период идейной борьбы I и II Интернационалов в практике международной социал-демократии. По мнению Ю.М. Чернецовского, понятие «„центризм“ является производным от „марксистского центра“, впервые введенного в употребление в 1912 году австрийским социал-демократом О. Бауэром, который таким образом охарактеризовал течение в СДПГ, возглавляемое в то время К. Каутским» [36, с. 12]. Каутский считал себя марксистом, призванным вести борьбу как против правых, так и против левых течений в СДПГ. Поэтому его политическую позицию можно было называть центристской, а совокупность его идейно-теоретических и политических взглядов – центризмом. Центристов начала XX в. объединяла общая идеология, которая включала в себя отрицание диктатуры пролетариата и неприятие революционной тактики левых социалистов-интернационалистов.

В России в конце XIX – начале XX в. термин «центризм» использовался в качестве аналитического приема исследования политики, социокультурных традиций страны. Статьи о нем появлялись в энциклопедических словарях Брокгауза и Ефрона, С. Южакова, братьев Гранат и др. Осмысление политических отношений через призму категории центра использовалось многими российскими политиками. В 1861 г. выдающийся русский реформатор Н.А. Милютин в письме своему брату Д.А. Милютину выдвинул идею организа-

ции центристской партии: «...необходимо создать партию, серединную, говоря парламентским языком: *le centre*, которой у нас нет, но для которой элементы, очевидно, найдутся» [27, с. 97]. В 1905 г. генерал-губернатор Санкт-Петербурга Д.Ф. Трепов в обращении к Николаю II формулирует проект «твердо сплоченной консервативной партии порядка» [9], выражающей интересы большинства населения Российской империи. В ноябре 1916 г. в правоконсервативном кружке Римского-Корсакова была составлена записка, адресованная Николаю II. В ней предлагалась программа конкретных мер по предотвращению в России революции. Один из важнейших элементов этой программы – организация центристской партии: «Правительство должно иметь большинство в Думе и к созданию этого большинства должно относиться с величайшей ревностью, без иллюзий и предубеждений» [8, с. 219]. Социолог, один из основателей партии демократических реформ (1906–1907 гг.) М.М. Ко-валевский (1851–1916 гг.), определяя ее идейные позиции, писал: «Нашу партию нельзя считать ни правым, ни левым крылом, ни тем более центром. Наша партия – просто партия здравого смысла, в том значении этого слова, что она признает необходимым считаться с историческим прошлым» [34, с. 297].

В 1921 г. кадеты Н.И. Астров и В.А. Оболенский, пытаясь преодолеть внутривластный раскол, высказывались за объединение партии вокруг центра («ибо только центр ее способен понять Россию и усвоить ее психологию»), «за усиление центра партии за счет ее флангов». Они выражали надежду, что, «подтвердив основные верования – идеологию, которые затерты пребыванием партии справа и скачком налево», удастся приступить к «реальной работе» по восприятию того, что происходит в России [26, с. 407, 408, 434, 449].

Идеолог и лидер меньшевизма Ю.О. Мартов (1873–1923 гг.) в типологии политических партий России выделял революционные, либерально-демократические, правые реакционно-консервативные и умеренно-консервативные (центристские) партии. Последние, по его мнению, отличались от других партий тем, что, «допуская участие в управлении выборных людей, главную власть предоставляли монарху» [21, с. 557].

Н.А. Бердяев (1874–1948 гг.) ввел понятие «средней (серединной) культуры» [4, с. 294–295], что А.С. Ахиезер считал важным показателем готовности и желания осмыслить идею медиации на философском уровне и внедрить ее в элитарную политическую культуру [3, с. 67–68]. Н.А. Бердяев отмечал, что русскому народу с трудом давалось чувство меры, выражавшееся в социальном плане в отсутствии склонности к порядку и взвешенным решениям. По его мнению, «для русских характерно совмещение и сочетание антиномических, полярно противоположных начал», отсутствие срединной культуры. «Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями». Еще Ю. Крижанич (1618–1683 гг.) подчеркивал, что «великое народное несчастье – это неумеренность во власти; не умеют наши люди ни в чем меры держаться и идти средним

путем, а всегда плутают в крайностях и погибелях» [17, с. 193]. Русский публицист А.С. Изгоев (1872–1935 гг.) писал о том, что в периоды кризисов, массовых выступлений, любого «общественного возбуждения» крайние элементы в России «очень быстро овладевают всем, не встречая отпора со стороны умеренных» [13, с. 207–208]. Для Н.О. Лосского (1870–1965 гг.) «безразличие к средней области культуры» являлось следствием «малого интереса народа к материальной культуре» [18, с. 56]. «Не дорожа средней областью культуры, – отмечал он, – русский человек способен проповедовать и действительно совершать изумительные разрушения осуществленных уже культурных ценностей» [18, с. 332].

С.Л. Франк (1877–1950 гг.), пытаясь идентифицировать правое и левое политические течения, пришел к выводу о том, что «наряду со „староверами“ и „реформаторами“ должны найти себе место и те, кто сочетает обе тенденции. Такое не „правое“ и не „левое“, а как бы „центральное“ направление совсем не есть какое-то эклектическое сочетание обоих направлений. Оно качественно отличается от них тем, что, в противоположность им, его пафос есть идея полноты, примирения» [34, с. 233]. Чтобы избрать средний путь в методологии и логике социального действия, нужно перейти, по словам С.Л.Франка, «по ту сторону правого и левого».

Философ и политический деятель П.Б. Струве (1870–1944 гг.) доказывал, что государство может соединить власть, основанную на идее права, и общественность с помощью категории середины. Важным условием достижения «правовой нейтральности» власти, исключающей борьбу с политическими партиями, он считал необходимость её сплоченности с «умеренными элементами страны». Средние люди – это и не буржуа, это «культурно наиболее зрелые элементы народа», это носители свободы. Если в обществе отсутствует среднее сословие, то получается государство, состоящее из рабов и господ, а не из свободных людей, государство, где одни исполнены зависти, а другие – презрения. «В сущности, для всякого народа характерны именно его средние элементы» [32, с. 397].

В начале XX в. в России организационно оформились основные политические течения, в том числе центристское, которое было представлено либеральной партией «Союз 17 октября», умеренно-прогрессивным течением, куда входили Партия демократических реформ, Партия мирного обновления и Партия прогрессистов, и кадетами, которые действовали и в 1920–1930-х гг. в эмиграции [15; 35].

Возникновение центризма в русском освободительном движении было реакцией на углубление противоречий социально-экономической и общественно-политической эволюции пореформенной России. Стремление избежать опасного поворота событий стало побудительной причиной кристаллизации центристских настроений. Позиция либералов была центристской по опреде-

лению. Они проповедовали идеи солидарности и компромисса, постепенности реформ, формирования гражданского общества и правового государства. Как отмечает Н.Б. Хайлова, «деятели умеренно-либерального направления стремились играть в русском либерализме роль идейной и организационной скрепы. Свою задачу они видели в сохранении чистоты принципиальных основ программы и тактики отечественного либерализма, усилении консолидирующего потенциала либерального движения» [35, с. 296].

Однако отсутствие своевременной адекватной реакции верховной власти на события в России (запаздывание в проведении назревших реформ, нежелание самодержавного режима расставаться с неограниченной властью) вело к эскалации социальной напряженности, радикализации массового сознания, нарастанию отчуждения между общественностью и государственными структурами, усилению организационной сплоченности революционных сил. В конечном итоге стремительно размывалась почва, необходимая для воплощения центризма в твердой и последовательной государственной политике по согласованию интересов всех социальных слоев с целью обеспечения поступательного, органического развития страны.

В советской научной литературе в рамках марксистской идеологии центризм рассматривался как конкретно-историческое явление, связанное только с международным рабочим движением. Начиная с 1931 г. после письма И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», направленное против проявлений инакомыслия, тематика центризма оказалась вычеркнутой из общественных наук. Центризм стал характеризоваться как наиболее опасная разновидность оппортунизма партий, как враждебное марксизму идейно-политическое течение, возникшее в борьбе реформистского и революционного направлений во II Интернационале. До конца 1980-х гг. употребление данного понятия в СССР было идеологизированным и в основном использовалось для критики международной социал-демократии и «непоследовательной» деятельности левых партий в зарубежных странах.

В период «перестройки» происходит зарождение политического центризма как ориентации в повседневной политической риторике и научных дискуссиях. Становление центризма как направления в деятельности политических сил было связано с реформаторской политикой М.С. Горбачева, пытавшегося найти «равнодействующую» между консерваторами внутри КПСС и либерально настроенными реформаторами. Он видел в политическом центризме течение, стремящееся преобразовать общество на новых началах, предлагающим ему «революционную перспективу, но не на основе конфронтации, тем более объявляющая врагом противостоящей силы, а на основе сплочения подавляющего большинства общества» [28, с. 499–500].

В этот период появляются первые научные исследования политического центризма, характеризующиеся идеологическим плюрализмом к определе-

нию сущности феномена. В вышедшем в 1993 г. энциклопедическом словаре термин трактуется следующим образом: «Политический центризм отличается негативным отношением к радикальным решениям и действиям, его социальная база – средние слои. Роль парламентского центра весьма значительна: это – центр равновесия политических сил. Сильный центр – залог политической стабильности» [25, с. 392]. При этом подчеркивается переосмысление понятия в массовом политическом сознании в связи с появлением в 1990-е гг. новых политических и идеологических реалий: на смену негативному пониманию термина как наиболее опасной разновидности оппортунизма приходит положительная оценка.

* * *

Анализ понятия «центризм» подводит к выводу о том, что данный феномен стал предметом исследования задолго до появления термина. На определенных этапах центристская проблематика активно обсуждалась учеными и философами или отходила на периферию общественно-политической мысли. Можно выделить четыре этапа формирования понятия «центризм» в западных политических учениях. Первый восходит к античной политико-правовой мысли и связан с политико-философским учением Аристотеля о «срединности» человека как полисного животного. В работах античных философов и мыслителей Средневековья идеи центризма развивались в рамках политико-философских дисциплин. Второй этап определяется деятельностью революционного Конвента во Франции, в этот период возник политологический подход к определению сущности феномена. В период Нового времени центристские установки разрабатывались в контексте общей теории демократии. Третий этап характеризуется негативной оценкой явления как разновидности оппортунизма в процессе идейной борьбы во II Интернационале. И наконец, современный период, когда под центризмом понимается политическое течение, предлагающее социальное партнерство и политический консенсус интересов как способ решения противоречий и конфликтов ради достижения определенной цели при поддержке большинства общества. Во второй половине XX в. начинает формироваться концепция политического центризма.

В политических учениях Запада теория центризма развивалась в рамках учений о золотой середине, смешанном правлении, концепций общественного договора, разделения властей, среднего класса, толерантности, консенсуса. В России же только в 1990-х гг. появились первые научные исследования центризма. Специфика понимания явления в истории политических учений России обусловлена властечетричностью русской системы, антиномичностью русской культуры, неустойчивостью медиативных ориентаций и принципов, социокультурным расколом российского общества.

Библиографический список

1. *Августин Аврелий*. О блаженной жизни // Августин Аврелий. Об истинной религии. Теологический трактат. Минск: Харвест, 1999. С. 110–162.
2. *Аристотель*. Никомахова этика: Пер. с др.-греч. / Общ. ред. А.И. Доватура // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4.
3. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): В 2 т. Т.1: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
4. *Бердяев Н.* Судьба России. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2000.
5. *Боден Ж.* Шесть книг о государстве // Антология мировой философии: Возрождение. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001.
6. *Валла Л.* Пересмотр всей диалектики вместе с основаниями всеобщей философии // Антология мировой философии: Возрождение. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001.
7. *Вольтер*. Философские сочинения. М.: Наука, 1988.
8. *Глебова И.И.* Беспартийная власть и ее партийная организация // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник. 2004. М.: РОССПЭН, 2004.
9. *Глебова И.И.* Задача государства – «создание твердо сплоченной консервативной партии порядка» (Из официальной переписки Николая II и Д.Ф. Трепова) // Россия и современный мир. 2003. № 3.
10. *Глухова А.В.* Политический центризм в посттоталитарном обществе: опыт и проблемы // Государство и право. 1993. № 3.
11. *Гораций К.* Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Худ. лит-ра, 1970.
12. *Зомбарт В.* Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994.
13. Вехи: Интеллигенция в России: Сб. ст., 1909–1910. М.: Молодая гвардия, 1991.
14. *Ильин М.* Природа и смысл центристской политики // Власть. 1999. № 8–9.
15. *Канищева Н.И.* Центральное течение кадетской партии в эмиграции // Призвание историка. Проблемы духовной и политической жизни России. М.: РОССПЭН; РНИСиНП, 2001.
16. *Козловски П.* Общество и государство: неизбежный дуализм. М.: Республика, 1998.
17. *Крижанич Ю.* Политика. М.: Новый свет, 1997.
18. *Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра / Вступ. ст. А.И. Титаренко. М.: Политиздат, 1991.
19. *Маймонид*. Путеводитель растерянных. М.: Мост культуры; Иерусалим: Гешарим, 2003.
20. *Марков Б.В.* Философская антропология: очерки истории и теории. СПб.: Лань, 1997.
21. *Мартов Л.* Политические партии России // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М.: Мысль, 1997. Т. 4. С. 550–560.
22. *Местр Ж. М. де*. Рассуждения о Франции. М.: РОССПЭН, 1997.
23. *Монтескье Ш.Л.* О духе законов. М.: Мысль, 1999.
24. *Платон*. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998.

25. Политология: Энциклопедический словарь. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993.
26. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Май 1920 г. – июнь 1921 г. М.: РОССПЭН, 1996.
27. Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. архив, 1991.
28. Россия сегодня. Политический портрет, 1985–1990 гг. / Ред. Б.И. Коваль. М.: Междунар. отношения, 1991.
29. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Принципы политического права. М.: Канон-пресс; Терра–Кн. клуб, 2000.
30. *Скирбекк Г., Гилье Н.* История философии. М.: Владос, 2003.
31. *Сулакшин С.С.* Политический центризм в современной России: Проблемы теории и практики. М.: Мысль, 1999.
32. *Струве П.Б.* Оздоровление власти // *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм.* М.: Республика, 1997.
33. *Тацит К.* Соч. Т. 1: *Анналы.* Л.: Наука, 1969.
34. *Франк С.* По ту сторону «правого» и «левого» // *Непрочитанное. Статьи, письма, воспоминания.* М.: Московская школа политических исследований, 2001.
35. *Хайлова Н.Б.* Проблема центризма в русском либерализме в начале XX века // *Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы.* М.: РОССПЭН, 1999.
36. *Чернецовский Ю.М.* Революционные марксисты против центризма: Из истории идейно-политической борьбы в германском и международном рабочем движении. М.: Мысль, 1983.
37. *Юм Д.* Малые произведения: Эссе. Естественная история религии. Диалоги о естественной религии / Пер. с англ. М.А. Абрамова, М.О. Гершензона и др. М.: Канон, 1996.